

УДК 323.2

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ОПЫТ ОЦЕНКИ

А. В. Горелкин

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF KEMEROVO REGION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF INDICATORS ALLOCATION AND ASSESSMENT EXPERIENCE

A. V. Gorelkin

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «устойчивое развитие». Анализируются экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития, выделяются соответствующие критериальные показатели. Приводятся результаты предварительной общей оценки выделенных показателей устойчивого развития Кемеровской области, аргументируется необходимость дополнения системы индикаторов комплексом социологических и социально-политических критериев.

The paper focuses on the main approaches to defining the concept of «sustainable development». Ecological, economic and social aspects of sustainable development are analyzed, the corresponding criteria indicators are allocated. Results of a preliminary general estimate of the allocated indicators of sustainable development of Kemerovo region are given, need of addition of improving the system of indicators is reasoned by a complex of sociological and socio-political criteria.

Ключевые слова: общество, природная среда, развитие, устойчивое развитие, стабильность, Кемеровская область.

Keywords: society, environment, development, sustainable development, stability, Kemerovo region.

Человеческий социум, как и любая другая сложная самоорганизующаяся система, является одновременно и системой динамической, т. е. непрерывно трансформирующейся, изменяющейся. Происходящие в нем изменения затрагивают имеющиеся социальные, экономические и политические отношения. Устойчивость динамической системы, в соответствии с современными теориями развития, определяется одновременным влиянием двух полярных тенденций – «отрицательной», связанной с воспроизводством и сохранением «старых» системных качеств, и «положительной», обеспечивающей возможность адаптации к «новым» условиям, изменениям внешней среды. Такая «динамическая устойчивость» развития служит для различных обществ идеальной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать социальные проблемы [5, с. 198]. Это определяет популярность концепции так называемого «устойчивого развития» среди других теорий социальных изменений.

Сам термин «устойчивое развитие» (Sustainable development) был введен в широкое употребление в 1987 году премьер-министром Норвегии Г. Х. Брундтланд, возглавлявшей Международную комиссию по окружающей среде и развитию [23, с. 1066 – 1068]. Под устойчивым развитием в данном случае понималось длительное, непрерывное, стабильное, самоподдерживаемое, ответственное, безопасное развитие, обеспечивающее удовлетворение актуальных потребностей ныне живущего поколения без угрозы для удовлетворения потребностей поколений будущего.

Как отмечает Г. Н. Голубев, в определении устойчивого развития Г. Х. Брундтланд не установлены различия между принципиально разными понятиями развития и роста, что вызывает трудности в его использовании – по его мнению, развитие народов и стран мира может продолжаться неопределенно дол-

гое время, а валовой рост ограничен потенциальной емкостью экосферы, ее способностью к регенерации систем жизнеобеспечения. Очевидно однако, что понимание устойчивого развития как «развития без роста» будет не вполне корректным. Поэтому им используется учитывающая данный аспект трактовка Х. Дейли, который определял устойчивое развитие как «социально устойчивое развитие, при котором валовой экономической рост не должен выходить за пределы несущей способности систем жизнеобеспечения» [цит. по 4].

Р. А. Йост в этой связи справедливо указывает, что концепция устойчивого развития по сути является попыткой сбалансировать два моральных требования общества: необходимость обеспечения потребности ныне живущего поколения в экономическом развитии, и, одновременно, необходимости достижения «устойчивости» этого развития, гарантирующей, что нынешнее поколение не собираются «закладывать» будущее ради настоящего. Соответственно, понятие «устойчивость» интерпретируется им как постоянный процесс постепенного развития от одного поколения к другому, как поддерживающийся поколениями уровень разумного благосостояния и качества жизни в течение как можно более долгого времени [8].

Способствующие росту благосостояния процессы модернизации и глобализации, по мнению С. А. Панкратова, наряду с положительными изменениями привнесли и целый комплекс проблем планетарного характера, связанных с направленностью современного человека на максимальное получение прибыли без учета возобновляемости ресурсов. В этой связи идея и принцип «устойчивого развития» рассматриваются им как ответная реакция общества на вызовы глобальных противоречий, которая проявляется в переориентации на сбалансированное, управляемое развитие, протекающее в условиях гармоничного взаимодействия

человечества и биосферы [15]. По словам С. А. Степанова, концепция устойчивого развития фактически представляет собой новое мировоззрение, подразумевающее действия по предотвращению отрицательных последствий глобализации и кризисных катаклизмов [19].

Содержательно концепция устойчивого развития имеет междисциплинарный и межотраслевой характер, включая в себя экологический, экономический и социальный аспекты. Экологическая составляющая устойчивого развития подразумевает обеспечение целостности и жизнеспособности биологических и физических природных систем, от которых, в свою очередь, зависит глобальная стабильность всей биосферы. Экономическая составляющая направлена на оптимизацию использования природных ресурсов, применение природоохраняющих технологий, создание экологически безопасной продукции, минимизацию и переработку отходов. Наконец, социальная составляющая предполагает развитие человеческого капитала, поддержание социальной стабильности, справедливое распределение ресурсов и возможностей между всеми членами общества, сокращение числа социальных конфликтов [17].

Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 году рекомендовала правительствам всех стран разработать свою национальную стратегию устойчивого развития. Следуя этой рекомендации, в России в 1994 году были утверждены «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», и в 1996 году была принята «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», ставшая задачей обеспечить сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений [11]. В настоящее время продолжается экспертное обсуждение базовых положений и содержания стратегии устойчивого развития России, общие принципы которой заложены в ряд программных документов федерального уровня, таких как «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации», «Экологическая доктрина Российской Федерации», «Энергетическая стратегия Российской Федерации» и др.

Положения стратегии устойчивого развития реализуются сегодня и на региональном уровне. Как отмечает А. А. Зеленин, современный этап формирования системы внутренней государственной политики характеризуется поиском оптимальных подходов к разделению ответственности и полномочий между федеральным центром и регионами, являясь неотъемлемой частью и характеристикой формирования российской государственной политической системы [6, с. 172]. В отношении реализации принципов устойчивого развития Ф. Р. Азашикова видит разграничение сфер ответственности между центром и регионами следующим образом: «Главное условие национальной модели устойчивого развития – это независимое экономическое развитие. Применительно к региону эта идея должна трансформироваться в идеологию обеспечения самодостаточного развития экономики ре-

гиона, реально опирающейся на свои возможности» [1, с. 197]. По ее мнению, в основу стратегии устойчивого развития региона должна быть заложена как ориентация на реализацию экологически чистых технологий и производств, обеспечивающих защиту биосферы от вредных воздействий, так и системный анализ состояния социально-экономического, экологического, ресурсного развития мира, для принятия решений по устойчивому развитию региона на основе прогнозных моделей.

Основные принципы и механизмы перехода Кемеровской области к устойчивому развитию сформулированы в докладе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева на выездной сессии Комитета по устойчивому развитию Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, прошедшей в г. Кемерово в сентябре 2005 года. В докладе подчеркивается важность перехода угольно-промышленных регионов мира, и Кузбасса в том числе, на путь устойчивого развития, при этом суть перехода к устойчивому развитию Кемеровской области понимается как достижение баланса трех составляющих: производства, человека и окружающей среды. На примере Кузбасса был представлен опыт перехода региона от полного дисбаланса в экономике и социальной сфере на путь устойчивого развития – по словам А. Г. Тулеева, сегодня Кузбасс уверенно движется по пути экономической, социальной и политической стабильности [21]. Принципы обеспечения устойчивости развития региона были учтены при разработке программы экономического и социального развития Кемеровской области и других региональных документов.

Для изучения достигнутых результатов перехода Кемеровской области к устойчивому развитию в нашем исследовании была предпринята попытка выделить и оценить конкретные показатели устойчивого развития региона. Поскольку, как уже отмечалось, концепция устойчивого развития подразумевает достижение динамического баланса между экономическими, социальными и экологическими факторами, необходимо прежде всего выделить соответствующие интегральные показатели, выступающие индикаторами ее основных составляющих. В этом контексте заслуживает внимания система комплексной оценки социально-демографических, социально-экономических и экологических показателей устойчивого развития, разработанная японским исследователем С. Мураи, и включающая в себя следующие индикаторы:

- прирост населения за год;
- рост валового продукта за год;
- обезлесение за год;
- относительная площадь лесов;
- площадь пашни на одного человека;
- процент обеспечения собственным зерном;
- плотность городского населения;
- абсолютная численность населения городов.

Несмотря на то, что данная система разработана на японском материале и, как справедливо указывает Г. Н. Голубев, требует проверки в части полноты и репрезентативности набора индикаторов с точки зрения их приоритетности для других стран [4], мы сочли возможным апробировать ее для предварительной

оценки показателей устойчивого развития Кемеровской области.

Первым критерием устойчивого развития в модели С. Мураи является рост населения менее 0,5 % в год, годовой рост 1,0 – 1,5 % соответствует критическому, а более 2 % – разрушительному уровню. Таким образом, отсутствие роста численности населения или даже его снижение являются в данной модели индикатором устойчивого развития, так как оно подразумевает отсутствие увеличения антропогенной нагрузки на биосферу. С учетом соотношения территории и численности населения, антропогенная нагрузка в Кемеровской области относительно невелика – несмотря на то, что Кузбасс является самым густонаселенным регионом Сибири, плотность его населения по данным за 2013 год составила лишь 28,65 чел./км². При этом, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [14], в Кузбассе с середины 1990-х годов наблюдается естественная убыль населения: так, в 2009 году население региона составляло 2773,0 тыс. чел., а в 2013 году – 2734,1 тыс. чел. В то же время, уровень естественной убыли населения последовательно снижается – с 2,6 до 0,9 человек на 1000 человек населения за этот же период. Таким образом, по данному критерию Кемеровская область соответствует показателям устойчивости развития и, одновременно, демонстрирует определенные положительные сдвиги в социально-демографической ситуации, что представляется еще более значимым со стратегической точки зрения.

Вторым критерием устойчивого развития является ежегодное увеличение валового продукта от 3 до 5 %; рост 8 – 10 % в год интерпретируется как критический, больше 10 % или же меньше 0 – как разрушительный. Согласно официальной статистике, валовой региональный продукт Кемеровской области в 2009 году составил 576 млрд рублей, в 2013 – 767 млрд рублей [18; 24]. Рассчитанное нами на основе данных за указанные годы среднегодовое увеличение валового регионального продукта, даже при относительном снижении в 2009 и 2012 годах, составило 6,7 % в денежном выражении. С учетом фактора инфляции, рост валового регионального продукта фактически не превысил критериальных показателей устойчивости развития. В прогнозе развития экономики области на 2013 – 2015 годы зафиксирован рост валового регионального продукта на 2 – 3 % ежегодно [3]. Соответственно, по данному показателю Кемеровская область в целом отвечает критериальным требованиям.

Третьим критерием выступает уровень обезлесения, не превышающий 0,1 % в год. Показатель обезлесения 0,5 – 1,0 % в год рассматривается как критический, более 1 % – как разрушительный. Согласно «Лесному плану Кемеровской области», за последний межучетный период (с 2008 по 2010 годы) общая площадь земель лесного фонда увеличилась с 5413,5 до 5423,6 тыс. га, т. е. в среднем на 0,093 % в год; площадь покрытия лесной растительностью – с 5115,4 до 5128,2 тыс. га, т. е. увеличилась в среднем на 0,125 % в год [13]. При этом, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [14], масштабы

искусственного лесовосстановления и лесоразведения демонстрируют заметный рост – так, площадь лесоразведения в 2013 году по сравнению с предыдущим годом увеличилась в 4,7 раза. Следовательно, Кемеровская область отчетливо соответствует требованиям данного критерия.

Четвертым критерием принята относительная площадь лесов, составляющая более 30 % от всей территории. Доля лесов 15 – 20 % рассматривается как критическая, менее 10 % – как разрушительная. Как известно, специфической особенностью Кемеровской области является широкое распространение техногенных ландшафтов, формирование которых связано с открытыми разработками каменноугольных и других месторождений – по существу, вся территория от Междуреченска до Анжеро-Судженска представляет собой чередование угольных шахт и разрезов, терриконов, обогатительных фабрик, гидротехнических сооружений и др. В результате открытой добычи полезных ископаемых происходит комплексное нарушение земель, и площадь нарушенных горными разработками земель составляет не менее 64,8 тыс. га. Одновременно, до 80 % лесов затронуты интенсивными промышленными вырубками [9]. Тем не менее, площадь лесов в Кузбассе остается весьма значительной – по данным лесного реестра, общая площадь лесов Кемеровской области составляет 6308,0 тыс. га (66,4 % общей площади области), лесистость территории Кемеровской области составляет 60,4 % [13]. Таким образом, данный показатель устойчивого развития Кемеровской области более чем в два раза превышает критериальное значение.

Пятым критерием рассматривается площадь пашни, составляющая более 0,3 га на одного человека. Площадь 0,15 – 0,2 га на человека в модели С. Мураи является критической, менее 0,1 га – разрушительной. По данным Администрации Кемеровской области, в целом в сельскохозяйственном обороте находится 2399 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, что составляет 27 % от общей площади земельных ресурсов Кузбасса, при этом пашня занимает 1483 тыс. га, посевная площадь под урожай 2012 года составляла 1048,8 тыс. га. Соответственно, Кузбасс относится к регионам с высоким уровнем распаханности, и на каждого жителя Кемеровской области приходится 0,5 га пашни [12]. Тем самым Кемеровская область полностью удовлетворяет требованиям данного критерия устойчивого развития.

Шестым критерием устойчивого развития является обеспечение собственным зерном более чем на 90 %, обеспечение на 60 – 70 % соответствует критическому, а менее чем на 50 % – разрушительному уровню. В силу своих природно-климатических условий Кемеровская область относится к зоне рискованного земледелия. Тем не менее, Кузбасс входит в число самообеспечиваемых регионов, покрывающих собственным продовольствием значительную часть потребности зерна, картофеля, овощей, продукции животноводства и ввозящих недостающее их количество. При этом сельскохозяйственное производство региона характеризуется высокой интенсивностью производства: так, на одного работающего в сельском хозяйстве Кузбасса приходится 35 человек, тогда как

в Западной Сибири – 16, по России в целом – 10 человек; по объему валовой сельхозпродукции в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве Кемеровская область занимает второе место в России [12]. По нашим расчетам, основанным на имеющихся статистических данных [2; 22], среднегодовое производство зерна в Кемеровской области в 2008 – 2013 годах составило 1159,7 тыс. тонн, т. е. 0,42 тонны на душу населения в год. С учетом объема потребности внутреннего рынка России в зерне, составляющей по оценке Министерства сельского хозяйства около 71,5 млн тонн в год, т. е. примерно 0,49 тонн на одного человека, можно констатировать, что Кузбасс самостоятельно обеспечивает себя зерном не менее чем на 86 %. Фактически, зерновое хозяйство области, производящее в основном мягкие сорта пшеницы, не полностью обеспечивает потребность только в твердых продовольственных сортах, недостающая часть которых завозится из соседних регионов юга Сибири и Казахстана. С другой стороны, область осуществляет экспорт фуражного зерна в Казахстан, что является мощным экономическим стимулом развития зерновой отрасли региона [20]. Таким образом, Кемеровская область в целом практически соответствует необходимому для продовольственной безопасности и устойчивого развития уровню зернового производства.

Седьмым критерием в модели С. Мураи выступает плотность городского населения, не превышающая 50 чел./га. Плотность городского населения 100 – 150 чел./га интерпретируется им как критическая, более 200 чел./га – как разрушительная. В Кемеровской области в 2013 году удельный вес городского населения составлял 85,5 %. При этом плотность населения каждого из двадцати городов Кузбасса значительно, в 2,5 – 75 раз меньше данного критерия устойчивого развития: наибольшая плотность населения наблюдается в г. Кемерово – 19,1 чел./га, наименьшая в г. Мыски – 0,67 чел./га [10]. Средняя плотность городского населения Кемеровской области, рассчитанная нами на основе данных о числе жителей и площади городской территории всех городов Кузбасса, составила 6,8 чел./га. Соответственно, Кемеровская область с запасом удовлетворяет требованиям данного критерия.

Последним, восьмым критерием устойчивого развития в данной модели является численность населения города, не превышающая 0,5 миллиона человек, в то время как население города, превышающее 1 и 10 миллионов человек, рассматриваются как критическое и разрушительное соответственно. В отличие от многих регионов России, для которых, как правило, свойственно наличие одного крупного центра – регионального мегаполиса, значительно превышающего по численности остальные города области, Кузбасс имеет более «дробную» структуру городского населения – лишь два из двадцати городов области, с учетом

входящих в их состав пригородных населенных пунктов, незначительно превышают данное критериальное значение: Новокузнецк (549 тыс. жителей) и Кемерово (540 тыс. жителей). Таким образом, Кемеровская область и здесь в целом демонстрирует соответствие показателям устойчивого развития.

Как следует из проведенной нами оценки, Кемеровская область практически полностью соответствует стандартам устойчивого развития по всем критериям, предлагаемым С. Мураи. Очевидно, тем не менее, что такая оценка имеет предварительный, общий характер и требует дальнейшего более глубокого изучения, в том числе и за счет расширения перечня индикаторов устойчивого развития, релевантных для Российской Федерации в целом и для Кемеровской области в частности. Так как устойчивое развитие включает в себя не только экологическую и экономическую, но и социальную составляющую, представляется необходимым включение в число оцениваемых индикаторов комплекса социологических и социально-политических показателей. На основании анализа современных исследований, посвященных методологии и практике оценки таких показателей в Кемеровской области [7; 16], нами предлагается использование следующих дополнительных индикаторов устойчивого развития:

- материальное положение и уровень доходов населения, показатели постоянной и временной занятости населения, число и продолжительность трудовых конфликтов;

- оценка населением деятельности органов федеральной и региональной власти, характер и направленность общественно-политической активности, социально-политическая стабильность;

- содержание и направленность системы ценностных предпочтений массового сознания, значимость ценности семьи, гражданских и патриотических ценностей в системе ценностных предпочтений населения региона.

Соответственно, одним из перспективных направлений дальнейшего изучения показателей устойчивого развития Кемеровской области является выделение и операционализация его конкретных социальных индикаторов, определение и экспертная оценка их критериальных значений, апробация их применения на практике. Оценка всего комплекса экологических, экономических и социальных показателей устойчивого развития представляет очевидную значимость при проведении мониторинга, оценки и корректировки областных целевых программ, разработке концепций и программ долгосрочного социально-экономического развития, анализа их эффективности, что позволит при необходимости своевременно скорректировать конкретные направления социально-экономического и экологического развития региона.

Литература

1. Азашикова Ф. Р. Основы стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология). 2012. № 1.
2. Ахмадулина Т. В. Анализ самообеспеченности Сибирского Федерального округа основными видами продовольствия // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 143 – 147.

3. ВРП Кемеровской области к 2015 г. достигнет 1 трлн. рублей – вице-губернатор // Деловой Кузбасс 31.10.2012 г. Режим доступа: <http://delkuz.ru/content/view/16304/> (дата обращения: 30.09.2014).
4. Голубев Г. Н. Геоэкология. М.: ГЕОС, 1999. 338 с.
5. Дегтярев А. А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. 239 с.
6. Зеленин А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации. М.: Российские университеты; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 290 с.
7. Зеленин А. А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 240 с.
8. Иост Р. А. Устойчивое развитие: этические споры о будущем // Социальные проблемы. 2008. № 2. Режим доступа: <http://www.socprob.ru> (дата обращения: 30.09.2014).
9. Кемеровская область // Википедия русская. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.ru> (дата обращения 30.09.2014).
10. Кемеровская область // Свободная энциклопедия «Википедия». Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 30.09.2014).
11. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова. М., 2002. 161 с.
12. Официальный сайт Администрации Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.ako.ru/> (дата обращения: 30.09.2014).
13. Официальный сайт Департамента лесного комплекса Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.kemles.ru/> (дата обращения: 30.09.2014).
14. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Режим доступа: <http://kemerovostat.gks.ru> (дата обращения: 30.09.2014).
15. Панкратов С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград: 2006. 395 с.
16. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: кол. монография. Томск: ТГПУ, 2008. С. 71 – 93.
17. Сеницина Е. Концепция устойчивого развития. Режим доступа: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/-2/view/72/> (дата обращения: 30.09.2014).
18. Список субъектов Российской Федерации по ВРП // Свободная энциклопедия «Википедия». Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 30.09.2014).
19. Степанов С. А. Глобализация. Устойчивое развитие. Образование / Концептуальные основы экологического образования в высшей школе для устойчивого развития. М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. 286 с.
20. Столбова О. Б. Зерновое хозяйство Кузбасса в решении продовольственного обеспечения региона // Электронный журнал «Вестник Кузбасской государственной педагогической академии». 2013. № 1(26). Режим доступа: <http://vestnik.kuzsra.ru/articles/157/> (дата обращения: 30.09.2014).
21. Тулеев А. Г. Устойчивое развитие Кемеровской области: опыт и перспективы. Доклад на выездной сессии Комитета по устойчивому развитию Конгресса местных и региональных властей Совета Европы // Медиа-Кузбасс 29.09.2005 г. Режим доступа: <http://mediakuzbass.ru/news/62882.html> (дата обращения: 30.09.2014).
22. Урожай зерна в Кемеровской области в 2013 г. удвоился к 2012 г., как и прогнозировалось // Интерфакс-Россия 01.11.13 г. Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru> (дата обращения: 30.09.2014).
23. Устойчивое развитие // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. и сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: 2003.
24. 65 млрд руб. инвестировано в угольную отрасль в 2013 году в Кемеровской области // Электронная газета «Век» 27.12.2013 г. Режим доступа: <http://wek.ru> (дата обращения: 30.09.2014).

Информация об авторе:

Горелкин Антон Вадимович – начальник главного управления по работе со СМИ Администрации Кемеровской области, anton.gorelkin@gmail.com

Anton V. Gorelkin – Head of the Kemerovo Region Administration Principal Division for Work with Mass Media.

Статья поступила в редколлегию 02.10.2014 г.